

Александр Головин Пуховик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41132601

SelfPub; 2019

Аннотация

О любви и дружбе, нелегкой судьбе матери-одиночки. История максимально приближена к современным реалиям жизни. Сюжет – плод воображения автора, все совпадения, имена, места действия случайны и не могут нести последствий для автора.

1.

– Ты его видишь?

– Прикалываешься? Как его в такой массе различишь. – Лианг опять прильнул к окулярам морского бинокля, проводя контейнеровоз, забитый контейнерами. – Поплыл возможно. – Лианг, скользнув по морской глади перевел бинокль на далекий порт. Попытался сфокусировать картинку. – Не мешай.

– Дай, я посмотрю, – Ксиу нетерпеливо дергала за рукав спутника.

– На, все равно ничего не увидишь.

Завладев биноклем, Ксиу долго всматривалась в ряды морских контейнеров, заполнявших палубу уходящего контейнеровоза. Запрыгала, не отрывая бинокль от глаз.

– Вижу, вижу, вижу, наши денежки поплыли.

– Что ты там видишь?

– Четвертый ряд от носа, сверху второй. На, сам посмотри, – протянула спутнику бинокль.

– Они тут через каждые полчаса идут, вон еще один корабль плывет.

– Ну и что, этот наш кораблик, – Ксиу надула пухлые губки, – наш, наш. Пусть будет наш. А?

– Ну, хорошо, пусть будет. Посмотрела, поехали.

– Шену сказал?

– По телефону? – Лианг, засунув бинокль в футляр, кинул его на заднее сиденье открытой Хонды. – Нет, конечно. Че-

рез неделю сам полечу, там скажу, вместе и встретим. Еще таможеню пройти надо.

– Мы так упаковали, никто в жизни не догадается.

– Я тоже так думаю.

– А классно я придумала?

– Конечно, ты же у меня умница.

Разместившись в машине пара покинула далеко вдающийся в море мыс близ порта. Обдуваемые теплым ветром с запахом моря ветром, направились в город.

На скоростной шести полосной дороге они попали в пробку. Остановившись в конце вереницы автомобилей своего ряда, Лианг, привлеченный шумом, успел рассмотреть в зеркало заднего вида, как грузовик с прицепом груженным контейнером смял машину соседнего ряда. Тягач с длинным носом, потеряв управление от столкновения, вывернув колеса, опрокидываясь, влекомый инерцией, боком несся на них сметая все на своем пути. Надвигаясь, увеличивался закрывая небо синей массой контейнера...

2.

– Мам, а Андрей штаны школьные порвал.

– Какие? – Людмила положила тяжелую сумку с продуктами на пол крохотной прихожей.

– От нового костюма.

– Андрей! – Из-за шторы высунулась включенная голова сына. «Постричь надо совсем зарос», мелькнула мысль при

виде своего первенца. – Покажи штаны.

Андрей с готовностью протянул матери штаны от школьного костюма, мстительно скользнув взглядом по сестренке. Правая штанина на коленке была протерта до ниток, левая разодрана и хранила следы крови от ссаженной коленки.

– Сильно разбил? Ну-ка, ногу покажи.

– Домой бежал, споткнулся и вот..., – поспешил уведомить сын, предъявляя на освидетельствование свежую болячку на коленке.

– Врет! Это он с пацанами в футбол играл и растянулся, – уточнила историю появления ссадины и порванных штанов правдолюбивая сестренка.

– Сколько раз говорила переодеваться, как со школы пришел. А? Как дала бы!.. – Людмила, скомкав штаны, бросила их в сына, незлобиво добавив, – прибью когда-нибудь. В чем в школу пойдешь? Вот пришью латки на колени, и топай. – Про себя досадовала: «Господи! Да где ж я на вас денег-то наберусь. Новые шестьсот стоят, а в кошельке всего четыреста с мелочью осталось. Завтра еще в школу обоим дать надо». Добавив строгости в голосе, спросила. – Понял?

Андрей, потупившись, согласно кивнул головой, прижимая к груди скомканные штаны.

– Ели?

– Суп доели. – Отрапортовала дочь.

– Что стоишь истуканом? – Людмила опять обратилась к сыну, не спешившему удалиться, в надежде получить что-

нибудь вкусенькое из маминой сумки. – Черные джинсы покажи. Чистые?

Сняв пуховик, с трудом пристроила на переполненную вешалку. Вытащив из сумки пакеты с картошкой, морковью и луком, сунула в картонную коробку. Подхватив полегчавшую сумку, поставила на кухонный стол. Взяла у сына принесенные джинсы. Обревизовав выдавшие виды штаны с заштопанной штаниной, грустно глянула на потупившегося сорванца.

– Ничего, постираю, завтра в них пойдешь.

– Мам, это нам? – Олеся, забравшись коленками на стул, показала ванильный творожный сырок, извлеченный из сумки.

– Да. – Выложив на стол помидоры с огурцами, сунула две сардельки и три куриных окорочка в холодильник. Разложила по шкафчикам подсолнечное масло, вермишель, хлеб. Улыбнулась услышав, как Олеся по лисьи делит сырок, спросила. – Что со школы принесли?

...

Людмила проживала с двумя детьми в стандартной комнате, на 3-м этаже общежития коридорного типа. Отгородив часть комнаты шкафом и шторой, обустроила на входе справа подобие прихожки. Слева стол, два подвесных шкафчика над ним и холодильник образовывали некое подобие кухни-столовой с запрещенной электроплиткой на столе. За шторой – ее кровать и двухъярусная детская. Между кроватями

тями – стол и несколько подвесных полок по стенам, собственно, вся мебель жилища. Кухня на этаже была общая, туалет тоже. Душевые, размещенные на первом этаже, имели общую раздевалку и потому было заведено: по четным – мужские дни, по нечетным – женские.

Общежитие с вахтером на входе ранее принадлежало химзаводу. В него селили одиноких, малосемейных в ожидании очереди на квартиру, а также командировочных. Следуя веяниям времени, химзавод снял со своего баланса бремя содержания общежития. Комнаты частью приватизировали, частью выкупили. Ввиду дешевизны жилой площади, в общежитии со временем подобралась малоимущая публика и подозрительные личности. Вахтеров сократили. Некогда опрятный, обширный холл урезали, встроив еще четыре комнаты, оставив небольшое пространство для детских колясок. Холл с остатками входных дверей стал прибежищем посторонних личностей, оставляющих утром после себя мусор, порою понятное амбре. Здание обветшало, и в народе за ним закрепилось название «Бомжатник на Свердлова».

3.

На последнем курсе института Людмила без памяти влюбилась в Стаса. Высокий с курчавыми волосами парень с параллельного курса обратил на нее внимание, когда они совместно готовили юморину к выпускному вечеру.

Роман развивался бурно, через три месяца Людмила по-

няла, что «залетела». Считая отношения серьезными, поведала о том своему избраннику. Стас ответил, что в ближайшие пять-шесть лет семейными узами связывать себя не собирается, и посоветовал избавиться от нежелательной беременности, а впредь использовать «какие-нибудь таблетки». На том прервал с ней связь, став демонстративно ухаживать за ее подружкой. Людмила попыталась избавиться от плода, но не тут-то было. Уже собралась, было, на аборт, как ей сделал предложение Мишаня.

На их курсе химанализа было мало парней, в числе немногих был Михаил. Сутулый, нескладный рохля в очках, ничем не выделяясь, буквально с первых дней запал на нее. Его ухаживания девушка всерьез не приняла. Под шутки подруг нещадно эксплуатировала недотепу Мишаню, как они его окрестили.

Мишаня выказал нехарактерную для него осведомленность в ее ситуации и предложил выйти за него замуж. Обещал принять ребенка Стаса как своего и любить ее до гроба. Недели две Людмила раздумывала и, когда врач сказала, что время упущено, и аборт сопряжен с риском более не иметь детей, приняла предложение ухажера. Свекровь Светлана Андреевна встретила пузатую невесту в штыки, не смотря на заверения Михаила о своем отцовстве.

Два месяца жили в просторной квартире у свекрови. Как-то Людмила услышала, как Светлана Андреевна, не особенно стараясь приглушить голос, заявила сыну, что его окру-

тила какая-то «смазливая прости-господи», и теперь вместо занятий наукой у него одна перспектива – стирать пленки и гонять ее хахалей. Сняли квартиру.

Первое время совместная жизнь с Мишаней, вроде казалось, налаживается. Михаил и вправду ни разу не попрекнул, не упомянул об отце ожидаемого ребенка. Людмила, более из благодарности заставила себя не то, чтобы полюбить мужа, наверное, скорее привязалась, позволяя любить себя.

Свекровь, Светлана Андреевна, не посещала их на квартире, отношений не поддерживала. Даже имя, Андрей, данное первенцу с умыслом, не спасло ситуацию. Михаил, не отличаясь в институте, и на заводе не смог выделиться. Много не зарабатывал, протирая штаны в каком-то отделе. Ситуацию спасали родители Людмилы, раз в месяц, иногда чаще, привозившие из деревни сумки с продуктами. Свекровь совершенно не помогала, но и в жизнь их не вмешивалась, чему Людмила отчасти была рада. Через полтора года она родила от Михаила девочку. Свекровь пришла посмотреть, даже подержала Олесю на руках, а, уходя, заявила, что незачем плодить нищету, и ее сын теперь до конца дней будет на них горбатиться.

С того дня Мишаню словно подменили. Он стал задерживаться после работы, ссылаясь на чрезмерную загруженность. Дочерью почти не занимался, развенчав общепризнанное мнение подружек, что отцы дочек любят больше. Несколько раз не ночевал дома, уведомив заранее, что будет

у мамы, Людмиле и в голову не приходило его проверять.

Олеся, в отличие от Андрея, была «голосистая», часто и пару часов не давала поспать, привлекая к себе внимание криком. Как-то Мишаня, разбуженный очередным криком вскочил, раздосадованный ударил пальцами по лицу дочь, словно закрывая маленький ротик. Затем дважды наотмашь шлепнул младенца по тельцу, приговаривая:

– Ты будешь спать или нет! Маленькая дрянь! Будешь! Будешь! ...

Людмила, оттащив мужа от кровати, вlepила ему смачную затрещину, чтоб привести в чувство. Мишаня отскочил в сторону, потирая щеку, выдал тираду, смотря, как супруга нянчит зашедшуюся в крике дочь:

– Ах, вот ты как! Да! Вот, значит, как! Не зря, значит, моя мама говорит, что я зря твоих выблядков кормлю!

– Пшшел вон! Дурак! – Вне себя крикнула Людмила.

– И уйду, – словно ожидая этих слов, кинулся одеваться, – еще как уйду! ...

По прошествии недели, пришла Светлана Андреевна с предложением дать развод сыну. Получив согласие, удалилась, прихватив вещи Мишани.

После развода Людмила подала на алименты только на Олеся, упрежденная свекровью о неминуемом скандале, если она попытается повесить им на шею еще и сына. Мишаня, словно зомбированный, при встречах молча опускал глаза в пол, укрываясь мамой, которая следовала за ним неотступно.

Позже выяснилась причина – мама «выдала его» за экстравагантную, обеспеченную дочь своей подруги. Людмила случайно увидела их у магазина. Расфуфыренная особа в шляпе, заметно старше Мишани, указывала тому, как уложить покупки в багажник. Затем, передав ему с рук пекинеса, сама уселась за руль «Ровера», и молодожены укатили. Людмила с Олесей в коляске, оперевшись о стену магазина, стараясь быть незамеченной, проводила взглядом машину. Придержала Андрея, узнавшего Мишаню, впервые сказав сыну:

– Не папка он тебе.

4.

До года Олеся часто болела. Детских пособий и смешных алиментов от Мишани катастрофически не хватало. Если бы не помощь родителей, Людмила не представляла, как бы она выкручивалась.

Мама, видя бедственное положение дочери, настаивала, чтобы та перебралась в деревню домой. Уговоры Людмила отвергла, работы для нее в деревне не было. Мыть полы, подрабатывая, она могла и здесь, не подвергаясь насмешкам. В городе, где соседи по лестничной клетке порой не знали друг друга, она была никому не нужна. Другое дело в деревне. Вернуться потрепанной кошкой с двумя детьми на родительскую пенсию... Встречать осуждающие взгляды селян, или саркастические улыбки отвергнутых ухажеров... А что потом? Кому она нужна, кроме родителей? У брата своя семья,

да и отношения с невесткой – женой брата у них не заладились. Нет.

Родителей Людмилы не стало, когда Олесе шел третий год. Они попали в аварию, возвращаясь на машине от дочери в дождливую погоду. Заляпанный грязью джип, обгоняя вереницу машин, подрезал их на ночной трассе. Отец, уходя от столкновения, вильнул, зацепил колесами мокрую обочину, машина, потеряв управление, крутанулась, и ее занесло под встречный грузовик. Очевидцы не разглядели номеров скрывшегося виновника ДТП.

После поминок золовка, оставшись с Людой наедине, заявила, что «это она виновата в их смерти, она извела их постоянными заботами о себе и своем выводке, и родители, во всем себе отказывая, все деньги и продукты перли ей». Людмила проглотила обиду, возразить особо Лидии было нечего.

Наступили тяжелые времена.

Завод барахтался, доживая свои последние дни. Под постоянные сокращения как мать-одиночка, воспитывающая двоих детей, она не попадала. Задерживаемая на месяц, а то и более заработная плата в виду частых простоев уменьшалась, а цены в магазинах росли. Алименты на Олесю стали приходить символические. Мишаню сократили одним из первых, он перебивался случайными заработками, верно существуя на содержании новой жены. Людмила снесла в ломбард все свои более-менее ценные вещи без надежды выкупить их обратно. Квартиру пришлось освободить, сняла де-

шевую комнату, тогда еще не сильно загаженной общаги. Через год завод окончательно встал, и женщина пополнила ряды безработных.

Месяца три Людмила ходила на биржу, вакансий не было. Перебивалась, подрабатывая дворником, мыла полы в подъездах. Как-то рано утром, отгребая снег от подъезда, она нечаянно кинула снег на проезжавшую мимо иномарку. Машина остановилась, и из машины грубо окликнули:

– Что ослепла? Не видишь куда кидаешь?

Людмила обернулась на голос. В «Мазде» за приспущенным стеклом сидела ее сокурсница по институту, подруга, жившая с ней в студенческой общаге. Бесшабашная, чернявая Мила была похожа на сценический образ актрисы Самохиной из кинофильма «Воры в законе», и за ней закрепилось прозвище Марго.

– Марго? – Искренне удивилась Людмила, увидев старую подружку.

– Вы кто? – Мила всматривалась в замотанное платком лицо бесформенной фигуры дворничихи, и когда Люда потянула рукой край платка с носа вниз, узнала. – Ты? ... Люда?

Марго, завизжав, выскочила из машины, кинулась к ступавшейся подруге, крепко ее обняв. Бибикнула не весть откуда взявшаяся машина, требуя освободить проезд. Эффектная Мила в коротенькой расстегнутой шубке с копной черных волос, отстранившись от подруги, развернулась на

звук. Добавив грубости в голосе, выдала:

– Че сигналишь? – Заметив опускающееся стекло, добавила, пресекая перепалку. – Варежку закрой, а то щас народ разбудишь, бутылка или еще чего на крышу прилетит. Видишь, девушки общаются? Вот и давай... , двигай задом.

В довершение показала водителю срамной жест холеным средним пальчиком с безукоризненным маникюром. Повернулась к Люде, давая водителю понять, что разговор окончен. Торопыга благоразумно прикрыл окно и, покачав головой, двинулся задом.

– Марго, ну ты в своем репертуаре ...

– Да пошли они... – Мила беззаботно махнула рукой, отправляя всех в преисподнюю. – Ты куда пропала? Ни слуху, ни духу, сто лет тебя уже не видела. Пошли ко мне в машину, а то я уже замерзла.

Освободив проезд, они долго болтали в машине, пока Люда не вспомнила о времени, пора было вести детей в детский сад. На прощание Марго вытащила из сумочки две свеженькие, не так давно пущенные в оборот, сложенные пополам пятитысячные купюры, протянув, добавила заартачившейся подруге:

– Бери, не выеживайся. Ты здесь за месяц и половины, поди, не заработаешь. Это шальные деньги, за ночь срубила, своим что-нибудь купи, скажешь – от тети Марго. Я к тебе обязательно заеду, покажешь... – Чмокнувшись на прощание с подругой, добавила. – Людка ты не представляешь, как

я рада, что тебя встретила.

Марго работала в эскорте у Алика. Алик, в прошлом криминальный авторитет, гроза 90-х, легализовался в бизнесе. Имел строительный магазин, несколько ресторанов, две заправки, отель и эскорт для определенных услуг. Может, и еще чего, Мила не распространялась, а про эту часть айсберга знали все.

Мила заявила под вечер на следующий день, громогласно известив о своем визите жителей общаги. Может, не всей, но проживающих на 3-м этаже, это уж точно. Убирая со стола посуду после ужина, Люда услышала через звукопроницаемую дверь комнаты дробный стук каблуков, затем непонятный шум и неповторимый голос Марго.

– Че пасть раззявил? Захлопни, говорю..., не то муха залетит.

– ...

– Чаво-о? Двигай..., а то наподдам коленом для ускорения, в форточку стрижем вылетишь...

Люда открыла дверь, на пороге стояла фотомоделль, шагнувшая с обложки глянцевого журнала. Через три комнаты в щели приоткрытой двери виднелась изумленная физиономия приставучего, но безобидного местного забулдыги Федя, неосторожно зацепившего Марго. Стали открываться другие двери, народ с интересом выглядывал из комнат, вдыхая аромат Франции, оставленный после себя шумной визитершей.

– Впустишь? Или тут стоять будем? – Мила протянула хозяйке один из пакетов, добавив. – Это нам.

Мила покорила детей. Не подарками, которых приволокла в избытке, она весь вечер занималась с ними. Играла в настольную игру, при том шельмовала безбожно с кубиками и хохотала до слез, уличенная надувшимся от такой несправедливости Андреем. Читала им сказки, неподражаемо меняя голос, доводя до исступления, прижавшегося к ней Андрея, и безраздельно обосновавшуюся на ее коленях Олесю. Сама уложила их спать.

Долго шептались за столом на выгороженной кухоньке, предаваясь воспоминаниям. Изливали душу друг другу, болтая обо всем, о жизни, плакали и смеялись. Люда спросила:

– А может, к вам в эскорт? Я еще ничего.

– Забудь. – Мила, помрачнев, разлила остатки марочного вина первой бутылки по бокалам. – Это не твое, вон, детей поднимай.

– Да, я уже ... – Люда, заплакала, оперев лицо на руки.

– Не писай! Вытащим, – протянула подруге бокал, – давай, за детей.

Далеко за полночь, собираясь ложиться спать вдвоем на кровати Люды, Мила критически, словно впервой осмотрела убогое жилище.

– Нет, подруга, с этим надо что-то делать. – Приметив ползущего по стене таракана, скинула тапок, вспоминая студенческую общагу, прихлопнула насекомое со словами «да, что

ж вам по ночам-то не спится?»», прихлопнув еще пару, подвела итог. – Определенно. С этим надо что-то делать...

5.

Мила фактически взяла шефство над подругой. Устроила ее к своему знакомому в малое предприятие. Олег, как звали коммерсанта, выкупив у завода кое-какое оборудование, настроил выпуск бытовой химии. Дела шли хорошо, и Людмилу взяли на приличный оклад с надбавкой от реализованной продукции.

Жизнь стала налаживаться. Людмила рассчиталась со всеми долгами. Даже выкупила в ломбарде чудом не проданные золотые сережки, подаренные матерью в честь совершеннолетия. Стала задумываться о собственном жилье, ипотеке.

Мила, не имея собственных, привязалась к детям Людмилы. Дети в тете Марго души не чаяли, и Люда порою даже ревновала их к подруге. Андрей пошел в первый класс, сопровождаемый на первую линейку Милой. Сорванец к удовольствию подруги заявил, что иначе в школу не пойдет.

На новогоднем корпоративе Олег заявил, что пора расширяться, выходить на следующий уровень. Он заключил договор на поставку новой линии по выпуску продукции и взял под нее большой кредит. Честно предупредил о временных трудностях и возможных перебоях со сроками выплаты заработной платы, до пуска линии. Народ отнесся с пониманием, шеф всегда держал слово. Отладку линии закончили в марте,

уже в апреле Олег подобрал «хвосты» по зарплате, и поднял оклады сотрудникам. Людмилу перевели технологом.

После Майских праздников к ним нагрянула налоговая с выездной проверкой. Выявили утаивание налогов и сбыт продукции под чужим брендом – контрафакт, нелегальное программное обеспечение. Опечатали склад, блокировали счета предприятия. Пошли просрочки по погашению кредита, банк арестовал линию, опечатал цех. Поговаривали, что это – заказ конкурентов. Олег метался, продавая свое имущество для поддержки работников и решения вопроса, не помогало. Собрав оставшийся персонал, честно признался в своем банкротстве, развеяв последние надежды.

Людмила сама не своя вернулась домой в думках о дальнейшей жизни.

Беда одна не приходит, тем же вечером покалечили Милу. Она находилась, вроде, в приличной компании, отмечали какую-то сделку в ресторане. Разгорелась ссора между их столиком и соседним. Марго, в силу своего характера, кинулась разнимать подпивших мужиков. Какой-то отморозок в толчее дважды крест на крест «мазанул» ее по лицу «розочкой» (куском разбитой бутылки), превратив лицо в лохмотья. Утром, узнав о происшествии, Людмила кинулась в больницу. В челюстно-лицевом отделении хирург пояснил ситуацию. Один глаз вытек сразу, второй не задет, лицо сильно искромсано, возможно, остались маленькие осколки стекла, потребуется не одна операция. Восстановить? Хирург

развел руки... , будет видно, когда снимем повязки, явно потребуется не одна операция. Разрешил посмотреть на подругу в реанимации. Людмила стояла и плакала, глядя через стекло на свою подругу с белым коконом вместо головы, подкрашенным проступившими красными пятнами крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.